

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМІЯ.

Скрибъ въ Академіи. Онъ занялъ кресла Арно , умершаго въ прошломъ году.

Арно сочинилъ нѣсколько трагедій, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ, а нынѣ совсѣмъ забыты. Такова участъ поэтовъ, которые пишутъ для публики, угодная ея мнѣніямъ, примѣняясь къ ея вкусу, а не для себя, не въ слѣдствіе вдохновенія независимаго, не изъ безкорыстной любви къ своему искусству! Двѣ или три басни, остроумныя или граціозныя, даютъ покойнику Арно болѣе права на титло поэта , нежели всѣ его драматическія творенія. Всѣмъ извѣстенъ его *Листокъ*:

De ta tige dѣtach e e ,
Pauvre feuille dess ch e e ,
O u va tu ? — Je n'en sais rien , etc.

Участъ этого маленькаго стихотворенія замѣчательна. Костюшко передъ своею смертью повторилъ его на берегу Женевскаго Озера; Александръ Ипсиланти перевѣль его на Греческій языкъ; у насъ его перевели Жуковскій и Давыдовъ,

Нашъ боецъ чернокудрый
Съ бывымъ локономъ на юбѣ.

Можетъ быть, и самъ Давыдовъ не знаетъ стиховъ, которые написалъ ему Арно, услыша о его переводѣ. Онъ помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ *.

При вступленіи своеемъ въ Академію Скрибъ произнесъ блестящую рѣчь, на которую столь же блестательно отвѣчалъ Вильменъ, а J. Janin въ своеемъ фельетонѣ осмѣялъ того и другаго. Въ семь случаѣ всѣ три представителя Французскаго остроумія были на сценѣ.

* La *Feuille* a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouïdoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouïdoff est un de ces hommes qui, nés avec le don de la poësie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi :

A vous, poète, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène,
Avez d'une feuille de chene
Fait une feuille de laurier.

РѢЧЬ Г. СКРИБА.

М.и. Г.

«Когда Генуэзская Республика, какъ вамъ извѣстно, дерзнула сопротивляться Лудовику XIV, тогда Дожь ея принужденъ былъ явиться въ Версаль, чтобы испросить прощеніе у великаго Короля. Въ то время, какъ удивлялся онъ Версальскимъ садамъ, гдѣ каждый шагъ представляется побѣду искусства надъ природою, ихъ шумнымъ водопадамъ, апельсиннымъ рощамъ и висячимъ террасамъ, его спросили: что находитъ онъ всего необыкновеннѣе въ Версали? Дожь отвѣчалъ: «мое присутствіе!»

Такъ и я, Мм. Гг., видя вокругъ себя всѣ знаменитости Франціи, окруженный славными воспоминаніями літтературнаго величія, я долженъ бы удивляться всего болѣе моему здѣсь присутствію, еслибъ только одна мысль не успокоивала и не ободряла меня:

Академія, эта представительная Палата Літтературы, желала, чтобы всѣ роды произведеній, получившіе право гражданства по силѣ Буаловой хартіи и законовъ вкуса, имѣли въ нѣдрахъ ея своихъ уполномоченныхъ, ею утверждаемыхъ: подобно нашимъ законодательнымъ собраниямъ, гдѣ избранный небольшою деревнею сидитъ рядомъ съ Депутатомъ большаго города, она предоставила мнѣ входъ въ свое собраніе и возвысила тѣмъ незначительный

родъ сочиненія, котораго я представитель; я бы гордился этимъ позволеніемъ, еслибъ авторъ водевилей имѣлъ право гордиться.

Да, М. Г., я не ошибаюсь въ истинной причинѣ моего сюда назначенія! Если довольно долго испытывалъ я свои силы на второстепенной сценѣ и старался изобразить Талію въ миниатюрѣ, если иногда на театрѣ, болѣе возвышенномъ, я старался начертать нѣсколько картинъ большаго размѣра; такія усилія не даютъ еще мнѣ права почитать себя здѣсь однимъ изъ представителей Комедіи. Вы же, Мм. Гг., и не нуждаетесь въ новыхъ: вы имѣете блистательныхъ авторовъ *Домашнаго Тирана*, *Адвоката*, *Двухъ Злѣй*, *Школы Стариковъ*; вамъ хотѣлось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго пустыми!

Въ его имени вы дали *Пльсни* грамоту на дворянство; вы захотѣли передать ее мнѣ, и я только этому обстоятельству обязанъ честью занимать мѣсто между вами.

Можетъ быть, этотъ родъ сочиненія, по видимому столь незначительный, котораго название странно слышать подъ классическими сводами этой залы, можетъ быть, онъ достоинъ вашего вниманія; и мнѣ должно было бы по всей справедливости, или по крайней мѣрѣ изъ благодарности къ своему протектору, защищать его; мнѣ бы должно разсказать вамъ исторію Водевиля (*Val de vire*) отъ его колыбели до нашихъ дней; но обязанность болѣе

важная и торжественная занимаетъ мои мысли и останавливаетъ на устахъ веселые напѣвы.

Много уже времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ былъ въ этой залѣ. Я учился тогда въ Наполеоновскомъ Лицѣ, и на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все осталось попрежнему, намъ раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здѣсь, какъ и теперь! Тамъ родные, сестры, матери! . . . Счастливъ, кто имѣть мать свидѣтельницю своего торжества! Я тогда былъ счастливъ! На этой сторонѣ сидѣли наши учителя, начальники, знаменитые литеаторы и государственные люди: пальмы, назначенные въ награду слабымъ достоинствамъ, раздавались тогда, какъ и теперь, великими талантами. Я спросилъ у моего сосѣда, какъ зовутъ Президента? Онъ отвѣчалъ: это Г. Фонтанъ (*C'est le Grand-Maitre M. de Fontanes.*) А возлѣ него кто это съ такимъ важнымъ и прекраснымъ видомъ? Главный Секретарь Университета, Г. Арно, авторъ *Марія въ Минтурнѣ*, трагедіи, которой прелестные стихи мы знали наизусть. . . Авторъ *Марія въ Минтурнѣ!* Я привсталъ, чтобы посмотреть на него: думаль ли я тогда, что ученикъ займется мѣсто своего учителя—и что приду въ это святилище я—положить кипарисную вѣтвь на гробъ раздававшаго вѣнки!

Зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, голосъ сильнѣе и выразительнѣе моего не призванъ говорить похвальное слово этому добродѣтельному человѣку и поэту,

о которомъ вы сожалѣете? По какому послѣднему для него нещастію трудная честь оцѣнить произведенія трагической его музы досталась въ удѣль питомцу пѣсни?

Увлеченный съ юныхъ лѣтъ непреодолимою наклонностію къ поэзіи, Г. Арно былъ еще очень молодъ, когда издалъ *Марія въ Минтурнѣ*, первое свое произведеніе; это было смѣлое предпріятіе для молодаго человѣка 24-хъ лѣтъ: возбудить участіе къ отвратительному Марію, человѣку, наполнившему Италію кровью и кознями, человѣку, который обезславилъ себя хищеніемъ и грабительствомъ, не имѣть подобно Сильвѣ ни довольно величія души, чтобы остановиться вовремя, ни довольно смѣлости, чтобы оставить свое поприще; но Г. Арно понялъ, что въ глазахъ толпы нещастіемъ искупаются преступленія. Онъ избралъ героямъ не Марія гонителя, а Марія изгнаниника, побѣдителя Кимвровъ, скитающагося бѣглеца; онъ чувствовалъ, что бываетъ на свѣтѣ великое и благородное зрѣлище: слава въ борьбѣ съ нещастіемъ, неудача, переносимая съ мужествомъ—и онъ отгадалъ! Не подражая авторамъ, до него изображавшимъ этотъ предметъ, не призывая на помощь ни постороннихъ интригъ, ни женщинъ, ни трагической любви, онъ приступилъ къ своему предмету съ строгою простотою древности—и создалъ историческую картину, надъ которой возвышается вездѣ великий образъ Марія. И помните ли вы, Мм. Гг., какое впечатлѣніе производилъ этотъ рабъ, этотъ Кимвръ, когда онъ, испуганный при видѣ Кон-

*

сульского чела , покрытаго сороколѣтнею славою , бросаль кинжалъ и убѣгалъ повторяя:

« Я никогда не буду въ состояніи умертвить Марія ! »

Эта трагедія была посвящена Его Свѣтлости Графу Прованскому , будущему Лудовику XVIII. Арно былъ привязанъ къ дому его потому , что Принцъ любилъ литературу , и покровительство его могло быть полезно молодому поэту : въ тѣ времена оно было необходимо даже и для литературнаго успѣха ; времена измѣнились , и слава Богу , теперь писатель не имѣеть надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу — и еще болѣе , если возможно — свою независимость .

Въ началѣ революціи Гр. Прованский удалился въ чужie края ; а Арно , подвергаясь отъ того многимъ опасностямъ , поспѣшилъ перѣхать въ Англію . Странная была его участіе ! Покровитель , имъ избранный , тогдашній Принцъ , а въ послѣдствіи Король , былъ причиною двукратнаго удаленія Арно изъ Франціи : въ 92 году своимъ отъездомъ , въ 1815 своимъ прибытиемъ .

Арно старался снова возвратиться на родину . Захваченный какъ эмигрантъ въ Дункирхенѣ , онъ былъ брошенъ въ тюрьму и освобожденъ изъ нея по приказу Комитета общественного спокойствія (Comit  de salut public), который постановилъ , и на этотъ

разъ справедливо, что законъ объ эмигрантахъ не распространяется на литераторовъ, а следовательно и на автора Марія въ Минтурнѣ, поэтически предполагая, что вселенная принадлежитъ поэту, и что его отечество повсюду.

Наступили лучшіе дни для Франціи: республика еще существовала, но безъ кровавыхъ топоровъ Демевиротовъ, даже безъ строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу къ роскоши и удовольствіямъ, по забвению прошедшаго и беспечности о будущемъ, можно было бъ назвать республику Афинскую, если бъ у кого только достало смѣлости сравнить Барраса съ Перикломъ! Мы были тогда подъ правленіемъ Директоріи, правленіемъ слабымъ, веселымъ, роскошнымъ, правленіемъ такъ сказать Регенства Революціи.

Обратившись къ литературнымъ трудамъ, Арно издалъ сперва трагедію *Оскаръ*, гдѣ такъ мило выражены тихія чувства любви и дружбы; потомъ трагедію *Венеціанцы*, коихъ пятый актъ есть лучшій актъ драмы новѣйшихъ временъ. Впрочемъ, для исторической вѣрности, мы должны сказать, что Арно не одинъ сочинилъ этотъ пятый актъ. Сперва онъ далъ щастливую развязку своей пьесѣ *Montcassin*, герой ея, не умираль, а былъ спасенъ своимъ соперникомъ отъ казни; эта развязка не понравилась одному Члену Института, котораго Арно зналъ въ Италіи, и которому читалъ свою трагедію. Этотъ Членъ Института былъ генераль Бонапартъ, кото-

раго миѣнія въ літтературѣ были столь же тверды и рѣшительны, какъ и въ политикѣ; онъ терпѣть не могъ Вольтера, имѣлъ нещастіе не любить Ра-сина, но Корнеля готовъ былъ сдѣлать первымъ Министромъ *. Бонапартъ любилъ развязки разитель-ныя и хотѣль, чтобы даже и на театрѣ всѣ препят-ствія уничтожались штыкомъ.

Конецъ пятаго акта *Венецианцовъ* былъ для этого человѣка неестественъ: онъ находилъ, что щастіе любовниковъ портило развязку. Еслибы нещастіе было неисправимо, говорилъ онъ г-ну Арно, то минутное ощущеніе, которое оно произвело во мнѣ, осталось бы у меня до вечера, до завтра!... Нужно, чтобы герой умеръ, надо непремѣнно убить его! Убейте его! и *Monlcassin* былъ казненъ, по повелѣнію Наполеона, къ великому удовольствію публики, утвердившей приговоръ рукоплесканіями. Безполезно упоминать, что трагедія *Венецианцы* была по-священа генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапартъ любилъ Арно, и эта дружба никогда не измѣнялась; Арно, какъ надежному человѣку, Бонапартъ поручалъ образованіе Іонійскихъ острововъ; Бонапартъ принимаетъ Арно въ свое мѣсто, въ улицѣ Шантенеъ, позволяя ему участвовать въ домашнихъ разговорахъ, которые тогда были исторію; послѣ, на адмиральскомъ корабль, который везъ въ Египетъ Кесаря и его фортуна, Бонапартъ и Арно толкуютъ обѣ Оссіанъ и

* См. *Mémorial de Las-case*.

Гомеръ; потомъ Бонапартъ - императоръ дасть ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Университетѣ. Наполеонъ постоянно уважалъ Арно, хотя не разъ могъ бы жаловаться на его сатирическія выходки и рѣзкую откровенность. Тотъ, кто однимъ взглядомъ умѣлъ отгадать, оцѣнить достоинство, въ первый день своего прибытія въ Италію, рукою побѣдителя написалъ на своихъ памятныхъ табличкахъ имя Арно: и двадцать три года спустя послѣ того, рукою умирающаго, писалъ онъ это же имя въ своеемъ завѣщаніи, съ утесовъ Св. Елены.

Что могу я прибавить къ этому свидѣтельству?

Послѣ стодневнаго переворота, Арно былъ изгнанъ, а что и того удивительнѣе, лишенъ мѣста, которое онъ занималъ между вами и на которое онъ вами былъ призванъ. Касательно стиховъ и поэзіи, Мольеръ сказалъ:

« Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne... »

Повелѣніе пришло и исключило Арно изъ Института.

Во время своего изгнанія, которое Арно перенесъ съ благородствомъ и твердостію, онъ сочинилъ послѣднее отдѣленіе Басенъ, лучшее, по моему мнѣнію, литературное его произведеніе: ибо здѣсь онъ создалъ новый родъ, который останется образцомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не старался подражать ни Лафонтену, ни Флоріану; здѣсь нѣть веселой простоты первого, нѣть изящной и граціозной чувстви-

тельности втораго: здѣсь эпиграмма , здѣсь сатира , здѣсь Ювеналь , сдѣлавшійся баснописцемъ—можетъ быть , по одинаковой причинѣ .

Не было ли Арно увлеченъ самъ свою гиперболою ? Не представлялось ли ему общество слишкомъ порочнымъ , а люди слишкомъ злыми ? Справедливо упрекали Флоріана за излишнее множество овечекъ , разсыпанныхъ въ его сочиненіяхъ . Кажется , въ ба- сняхъ Арно не слишкомъ ли много волковъ ? ...

Въ отсутствіе Арно , трагедія его *Германікъ* игра- лась въ Парижѣ и была принята съ успѣхомъ въ первый день , а на другой изгнана изъ театра подобно автору ея , изгнанному изъ Франціи . Наконецъ , когда послѣ пятилѣтней ссылки насталъ для него день правосудія , онъ возвратился въ отечество и опять занялъ свое мѣсто между вами ... Тутъ неожиданный случай снова и уже навсегда похитилъ его у вашей дружбы ! Младшій изъ его сыновей испыталъ жестокую потерю ; отецъ спѣшилъ утѣшить сына и предпринялъ роковое для себя путеше- ствіе . Арно имѣлъ привычку долго прогуливаться пѣшкомъ ; на ходу сочинилъ онъ всѣ свои творенія . Однажды утромъ , по сильному жару , онъ проходилъ и просочинялъ болѣе обыкновеннаго ; усталый онъ воротился домой ; легъ на кровать и ска- залъ дочери : поиграй на фортепіано ; дочь повино- валась ; отецъ , будто отдыхая , все болѣе и болѣе по- никналъ головою : онъ уже былъ мертвъ , а она еще играла .

Онъ скончался безъ страданія , безъ предсмертныхъ мученій, съ улыбкою на устахъ, думая о своихъ утреннихъ трудахъ , о дѣтяхъ , о друзьяхъ, можетъ быть, о васъ, Мм. Гг. !

Онъ умеръ, оставилъ намъ троихъ сыновей, свою и нашу надежду ! троихъ сыновей, которые на по-прищахъ литературномъ, военномъ и судебномъ, достойно поддерживаютъ честь отцовскаго имени. Одинъ изъ нихъ, авторъ Регула, доказалъ, что принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ фамилій, которыхъ слава наслѣдственна, доказалъ, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторствомъ, подобно купленному оружіемъ, можетъ учреждать маіоратство.

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончинѣ Арно , но съ нѣкотораго времени здоровье его видимо слабѣло. Сильные удары, безжалостно направленные на человѣка и писателя, поколебали его крѣпкую, но чувствительную и раздражительную организацію.

Въ наши времена существуетъ ядовитый родъ критики, которая достигаетъ до сердца; ею не по-скупились для Арно: и не смотря на свои сѣдины на прежніе тріумфы , онъ не могъ, подобно Марію въ Минтурнѣ, обезоружить Кимвра.

Надобно сказать и то , весьма часто ошибались въ характерѣ Арно. Въ душѣ этого человѣка глубо-

ко напечатывались всѣ воспоминанія и добра и зла. Если онъ никогда не забывалъ нанесенного ему зла, то вѣчно за то носилъ въ сердцѣ благодѣяніе. Признаемся также, что, по живому и острому расположению ума своего, Арно не могъ удержаться отъ остраго слова, и если прибавимъ къ этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то намъ будетъ понятно, отъ чего онъ имѣлъ столько враговъ. Между тѣмъ не было человѣка добрѣе его. Неразъ доказывалъ онъ это; неразъ, занимая важную должность при Университетѣ, онъ подавалъ руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принялъ въ свою канцелярію нашего поэта Беранже, котораго онъ одинъ тогда разгадалъ. Разговоръ Арно былъ исполненъ выражений смѣлыхъ и живописныхъ, носиль на себѣ отпечатокъ той насыщенности, которая встрѣчается въ его басняхъ, разныхъ стихотвореніяхъ и даже въ пѣсняхъ, оригинально веселыхъ.... да, Мм. Гг., въ пѣсняхъ Арно, въ пѣсняхъ трагического писателя! Я такъ горжусь этимъ обстоятельствомъ, что спѣшу заговорить о немъ: это для меня важный авторитетъ, это новое доказательство въ пользу рода сочиненія, которому я осмѣливаюсь, можетъ быть, дерзко доставить между вами право гражданства.

Для этого, Мм. Гг., мнѣ бы должно развернуть передъ вами то, что я назову героическими временами пѣсни, когда она сопутствовала въ сраженіяхъ Роланду и храбрымъ рыцарямъ Карла Великаго, или когда съ Труверами и Менестрелями съ арфою въ

рукахъ она приходила къ дверямъ Дворца и садилась за столъ съ владѣтелемъ замка; показать вамъ, потомъ, какъ она отправилась въ крестовые походы и возвращалась съ первыми христіанскими баронами; какъ она, сидя у готического очага, веселымъ напѣвомъ о Султанѣ Саладинѣ забавляла досуги благородныхъ дамъ. Потомъ я бы долженъ быть представить вамъ ее, когда нѣжная и воинственная съ Агнесою Сорель она научала Карла VII, какимъ образомъ возвращаются королевства; какъ она, насмѣшивая и щеголеватая, писала съ Франдискомъ I веселые куплеты на стеклахъ Шамбора, потомъ вдругъ, фанатическая и возмутительная, съ крестомъ Лиги, или подъ знаменемъ Фронды, нападала на Королей, низвергала министровъ, перемѣняла Парламенты; и можетъ быть, желая изобразить исторію пѣсни, я бы неожиданно рассказалъ вамъ всю исторію Франціи.

Въ знаменитой рѣчи, исполненной тонкихъ и остроумныхъ мыслей, одинъ изъ первыхъ нашихъ драматическихъ авторовъ, доказывалъ здѣсь, что если бы какой нибудь ужасный переворотъ истребилъ съ лица земли всѣ историческіе документы, оставивъ невредимымъ лишь собраніе нашихъ комедій, то это собраніе замѣнило бы всѣ лѣтописи. Литтературная свобода Академіи позволить ли мнѣ не вполнѣ раздѣлять это мнѣніе? Я не думаю, чтобы комический авторъ быть историкомъ: это не его назначеніе; не думаю, чтобы въ самомъ Мольерѣ можно было найти исторію нашей страны. Комедія Мольера говорить ли

намъ что нибудь о великихъ происшествіяхъ вѣка Лудовика XIV? Есть ли въ ней хотя слово о заблужденіяхъ, слабостяхъ и ошибкахъ великаго Короля! Говорить ли она объ уничтоженіи Нантскаго эдикта? Нѣтъ, Мм. Гг., точно также, какъ комедія временъ Лудовика XV молчитъ о *Parc-au-cergf*, комедія временъ Имперіи—о страсти къ завоеваніямъ! Если прибавимъ къ этому новую невѣроятность (меня такъ часто упрекали въ этомъ недостаткѣ, что мнѣ позволено будетъ прибавить еще тысячу первую въ пользу истины) и если въ свою очередь предположимъ, что, подобно тому намѣстнику Магомета, который сжегъ всю библіотеку Александрийскую и сохранилъ только книгу Пророка, найдется въ наши времена какой нибудь побѣдитель Калмыцкій или Татарскій, любитель веселостей, пристрастный къ пѣснямъ какъ Омаръ къ Алкорану, сожжетъ всѣ историческія книги, а пощадитъ только собраніе нашихъ пѣсень разнаго рода и водевилей, напечатанныхъ донышѣ, посмотримъ, не льзя ли будетъ съ пособіемъ однихъ этихъ документовъ восстановить главнѣйшия факты нашей исторіи? Быть можетъ, я заблуждаюсь; быть можетъ, это одинъ только парадоксъ: но мнѣ кажется, что съ помощію этого веселаго архива, этихъ поющіихъ лѣтописей, легко было бы отыскать имена, числа, произшествія, забытыя комедію, или историческія лица, пощаженные ею.

Подобная вѣрность не возможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не въ укоризну, а рассказываю просто какъ есть дѣло; я увѣренъ,

что ни Лудовикъ XIV, ни Лудовикъ XV, ни Наполеонъ, не потерпѣли бы на театрѣ великихъ поучений исторіи, и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до нихъ близко касалось. Нынѣшній комическій авторъ въ семъ отношеніи не имѣетъ больше преимущества передъ своими предшественниками. У насъ раздражительность партій заступила мѣсто раздражительности Правительства; въ нашъ вѣкъ свободы, мы не вольны изображать на сценѣ все смѣшное: всякая партія защищаетъ своихъ и позволяетъ занимать смѣшное лишь у сосѣда; самое книгопечатаніе, эта неограниченная власть свободныхъ правленій, книгопечатаніе хочетъ говорить правду всему свѣту, но не любить, чтобы говорили ему истину. Я здѣсь, повторяю, не хочу укорять комедію, но напротивъ оправдать ее и доказать, что отъ нее требовали невозможнаго, требовали, чтобы она заступила мѣсто исторіи.

По крайней мѣрѣ, комедія намъ описываетъ нравы?... Справедливо! Согласенъ, что она ближе къ точности и истинѣ нравоописательной, нежели къ исторической; но со всѣмъ тѣмъ, исключая нѣкоторыя, весьма рѣдкія произведенія (какъ наприм. *Туркаетъ*, образецъ точности), мы находимъ театръ, по какой-то довольно странной судьбѣ, почти всегда въ прямомъ противорѣчіи съ обществомъ. Напримеръ, Мм. Гг., касательно нравовъ? Разберемъ эпоху Регенстра! Если комедія выражаетъ постоянно общество, то комедія тѣхъ временъ должна бы намъ представить странныя вольности и веселыя сатур-

нали. Совсѣмъ нѣть; она холодна, точна, взыскательна, и благопристойна. Такова комедія Детуша, она не смѣется или смѣется очень мало, комедія Лашоссе плачетъ. Подъ скиптромъ Лудовика XV, или лучше подъ скиптромъ Вольтера, въ ту минуту, когда разрѣшались эти великие вопросы, измѣнившіе всѣ общественные мысли и въ быстромъ движениіи увлекавшиіе осьмнадцатое столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, мы видимъ на театрѣ Дора, Мариво, Де Лану, т. е. остроуміе, романізмъ и пустоту.

Во время самыхъ жестокихъ періодовъ революціи, когда трагедія, какъ говорили, рыскала по улицамъ, что представлялъ театръ? Сцены человѣко-любивыя и чувствительныя, какъ напримѣръ: *Женщины*, *Сыновия Любовь*, а въ Январѣ 93 года, во время суда надъ Лудовикомъ XVI, давали *Прекрасную Мызницу*, комедію пастушескую и чувствительную. Во время Имперіи, въ царство славы и побѣдъ, комедія не была побѣдительницею и воинственною! При возстановленіи Бурбоновъ, правленіи мирномъ, лавры, военные мундиры, завладѣли сценою; Талія надѣла эполеты! А въ наши времена? Въ эту самую минуту, въ которую я говорю съ вами, вообразите иностранца, новаго Анахарсиса, упавшаго съ неба посреди нашей образованности и отправляющагося въ театръ, чтобы узнать точное и положительное состояніе Парижскихъ нравовъ въ 1835-мъ году? Какъ бы испугался этотъ почтенный иностранецъ! Онъ не посмѣль бы показаться въ ули-

цахъ Парижа невооруженный, не посмѣль бы сдѣлать шага, чтобы не встрѣтить убийства, прелюбодѣянія, кровосмѣщенія; а все отъ того, что егоувѣрили, будто театръ есть выраженіе общества.

И еслибъ потомъ кто нибудь взялъ этого иностранца за руку и ввелъ въ наши гостиныя, въ нашъ семейный кругъ, съ какимъ бы удивленіемъ увидѣть онъ, что ни въ одну эпоху, можетъ быть, нравственность наша не была такъ хороша, какъ теперь; что кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, о которыхъ говорятъ только по ихъ рѣдкости, никогда еще подъ домашнею кровлею не жило столько добродѣтелей. Еслибъ ему сказать, что прежде высшіе классы подавали примѣръ порока, что часто самъ Дворъничожилъ народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродѣтель низходитъ къ намъ свыше и отражается отъ престола на обществѣ: то, помирившись съ этимъ обществомъ, которое онъ обвинялъ по незнанію, иностранецъ съ радостію сказалъ бы: меня обманули; слава Богу, театръ не всегда служитъ выраженіемъ современныхъ нравовъ!

Какимъ же образомъ растолковать, Мм. Гг., это постоянное противорѣчіе между театромъ и обществомъ? Случай ли этому причиною, или скорѣе современный вкусъ и наклонности, отгаданныя и разработанныя авторами? Вы идете въ театръ не за правоученіемъ или исправленіемъ, а для развлечения и удовольствія. Васъ увеселяетъ болѣе вымыселъ,

нежели истина! Представляя то, что вы имѣете ежедневно передъ глазами, не льзя вамъ понравиться; но то, чего не видите вы въ обыкновенной жизни, все чрезвычайное, романическое, вотъ что васъ очаровываетъ, — теперь это и представляютъ вамъ.

Такъ во дни ужаса революціи, именно потому, что вашимъ глазамъ больно было смотрѣть на кровавыя сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театрѣ человѣколюбіе и благотворительность, которыхъ тогда были вымыслами....

Точно такъ и во времена возстановленія Бурбоновъ, вамъ напоминали тѣ дни, когда вы давали Европѣ законы — и прошедшее угѣшало васъ въ настоящемъ.

Слѣдственно театръ весьма рѣдко бываетъ выраженіемъ современнаго общества: по крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, онъ часто выражаетъ противоположное, такъ что должно искать произшествія въ томъ именно, о чёмъ театръ молчитъ. Комедія изображаетъ страсти всѣхъ временъ, какъ изображали ихъ Мольеръ, Данкуръ и Пикарь, съ такою веселостью, какъ Коленъ д'Арлевиль, съ такою прелестью, какъ Андріѣ; она описываетъ рѣдкія исключенія и минутныя странности; она едва приподнимаетъ завѣсу и показываетъ намъ только уголокъ общества; но нравы цѣлаго народа, цѣлый эпохи, изящныя или грубыя, развратныя или набожныя, кровавыя или героическія, кто ихъ намъ откроетъ?

Хороши онъ были или дурны, ихъ вы найдете, Мм. Гг., въ тѣхъ лѣтописяхъ, о которыхъ я вамъ сей-часть говорилъ:

*Ces peintures naïves,
Des malices du siècle immortelles archives.*

Пѣсня! она не имѣла никакой выгоды скрывать истину, а появлялась напротивъ именно для того, чтобы высказать ее! И такъ, Мм. Гг., пробѣжимъ снова тѣ эпохи, о которыхъ мы говорили, начнемъ съ Регенства, такъ мало сохраненного комическими авторами того времени и прибѣгнемъ къ пѣсенникамъ: не будуть ли они болѣе вѣрными живописцами общества? Колле, напримѣръ:

*Chansonniers, mes confrères,
Le coeur, l'amour sont des chimères,
Dans vos chansons légères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus.*

Не бойтесь, Мм. Гг., я вамъ прочту только одинъ куплетъ и то отрывками:

*L'amour est mort en France
C'est un
Désfunt
Mort de trop d'aisance!
.....
Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent à nos dames
Des coeurs
Des moeurs,
Des vertus, des ames!
Et remplissent de flammes*

СОВРЕМЕН. 1836, № 2.

5

*Nos amans presque éteints,
Ces pantius
Libertins !*

Не видите ли вы, Мм. Гг., всего Регенства въ этихъ стихахъ? А что было бы, еслибъ я прочиталъ всю пѣсню до конца!

Хотите ли узнатъ общество осьмнадцатаго столѣтія? Это общество щегольское и остроумное, разсудительное и скептическое, которое вѣрило не въ Бога, а въ наслажденія? Хотите ли имѣть понятіе о его нравахъ, философіи и маленькихъ ужимкахъ? Не спрашивайте Комедію — она вамъ ничего не скажетъ! Прочтите пѣсни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далѣе къ тѣмъ временамъ, когда испуганной Пѣснѣ приходилось изломать свирѣль свою: она и тутъ не молчитъ, не перестаетъ описывать нравовъ своего времени; она неотлучна какъ вѣрное эхо, при всякой громкой эпохѣ принимаетъ звуки и передаетъ ихъ намъ. Такъ въ нашу революцію, раздѣляющуюся на двѣ различныя половины, періодъ ужасовъ изображенъ въ безбожныхъ пѣсняхъ 93 года, періодъ геройства и славы въ воинственныхъ гимнахъ, которые повели нашихъ воиновъ на завоеваніе Европы.

Я не говорю вамъ о славѣ Имперіи — она имѣла исторіографами всѣхъ пѣсенниковъ той эпохи, начиная съ Дезожье, первого пѣсенника всѣхъ вре-

мень, который производилъ пѣсни, какъ Лафонтенъ басни!

Что касается до временъ возстановленія Бурбоновъ, то не спрашивайте о нихъ наши театры, не ищите ихъ въ столбцахъ Монитёра: для этого у насъ есть пѣсни Беранже. »

— Въ концѣ рѣчи своей, остроумный ораторъ представляетъ Пѣсню во всегдашнемъ бореніи съ господствующею силою: онъ припоминаетъ, какъ она воевала во времена Лиги и Фронды, какъ осаждала палаты кардиналовъ Ришельё и Мазарина, какъ дерзала порицать важнаго Лудовика XIV, какъ осмѣивала его престарѣлую любовницу, безгалантныхъ министровъ и несчастныхъ генераловъ; какъ при умномъ и безнравственномъ Регентѣ и при слабомъ и холодномъ Лудовикѣ XV нападенія ея не прекратились; какъ наконецъ въ безмолвное время грознаго Наполеона она одна возвысила свой голосъ, и приводить въ примѣръ известную пѣсню: *Le roi d'Ivetot.*

Il étoit un Roi d'Ivetot,
 Peu connu dans l'histoire,
 Se levant tard, se couchant tôt,
 Passant le jour à boire,
 Et couronné par Jeanneton
 D'un simple bonnet de coton etc.

Признаюсь: врядъ ли кому могло войти въ голову, чтобы эта пѣсня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть-ли не лучшая изо всехъ

*

пѣсень хваленаго Béanger), но ужь конечно въ ней нѣтъ и тѣни оппозиціи.

**ОТВѢТЬ Г. ВИЛЬМЕНА, НЕПРЕМЪШАГО СЕКРЕТАРЯ
АКАДЕМИИ.**

M. Г.!

Ваша рѣчъ имѣла успѣхъ такой же, какъ и ваши комедіи; здѣсь встрѣчаются вась тѣ-же рукоплесканія, которыя раздаются при вашемъ имени на всѣхъ театрахъ Франціи и почти всей Европы. Академія это предвидѣла: она была увѣрена, что избрать вась было дѣломъ справедливости и народности. Во всѣхъ родахъ литературы всякая прочная слава даетъ право на Академическое званіе; никому не можетъ быть дозволено въ продолженіи 20 лѣтъ безнаказанно морить со смѣху публику.

Напрасно, М. Г., слѣдуя законамъ офиціальной скромности, вы бы стали унижать предъ нами постоянные ваши успѣхи, опираясь на легкую форму вашихъ сочиненій; все дѣло въ произведеніи вкуса не въ предметѣ и не въ формѣ — но въ талантѣ. Есть пѣсни, которыя гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый Академикъ, котораго вы теперь занимаете мѣсто и котораго вы такъ удачно характеризировали, послѣ великихъ трагическихъ произведеній отличился особенно своею оригинальностью въ эпиграммахъ, названныхъ имъ Баснею.

Этотъ человѣкъ съ умомъ и талантомъ умѣль бы оцѣнить всю творческую силу, которая видна въ безчисленныхъ и разнообразныхъ вашихъ комическихъ произведеніяхъ. Онъ бы не упрекнулъ васъ, ни за многихъ вашихъ сотрудниковъ, ни за многія прелестныя ваши произведенія, которыя принадлежать не вамъ одному, но которыя безъ васъ никогда бы не существовали. Арно зналъ, что вкусъ, который умѣеть выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобрѣтенія, что мысль вполовину принадлежитъ тому, кто умѣеть придать ей настоящую цѣну. Онъ съ радостю-бы принялъ предложенаго вами ему сотрудника — Наполеона, котораго краткую и страшную пітику вы такъ удачно изобразили.

Только пятый актъ *Венеціанцевъ* они создали вмѣстѣ. Если это сообщество не было дѣятельнѣе, то виною тому не генералъ Бонапартъ, который въ первомъ жару молодости и славы, между побѣдой надъ Италіей, управлениемъ Франціей, завоеваніемъ Египта, занимался всѣмъ, думалъ обо всемъ вдругъ, и не зналъ, куда дѣваться съ своими мыслями и изобрѣтеніями въ ожиданіи Императорскаго престола. Арно привязался къ нему съ похода въ Италію, со времени трагедіи *Оскаръ*, которую послалъ онъ героическому обожателю Оссіана. Вскорѣ потомъ онъ принялъ участіе въ Египетской экспедиціи и послѣдовалъ за Кесаремъ въ Александрію. Во время переѣзда на адмиральскомъ кораблѣ *Востокъ*, который несъ въ себѣ столько ученыхъ и военныхъ

знаменитостей, Арно безпрестанно бесѣдовалъ съ Генераломъ. Говорили о войнѣ, объ искусствахъ, о свободѣ, о завоеваніи всего свѣта, о литеатурѣ, о трагедіи. Бонапартъ часто возвращался къ этому послѣднему предмету, для котораго онъ составилъ себѣ цѣлую теорію. Политика, общественная польза — вотъ что по его мнѣнію могло быть единственными предметами трагедіи; гдѣ дѣло шло о любви, о сердечныхъ бореніяхъ, не исключая и *Зашры*, все это онъ причислялъ къ комедіи. Арно прогивился этимъ нововведеніямъ и однажды послѣ долгаго спора, когда Генераль сказалъ ему: « Какъ бы то ни было, но мнѣ хочется сочинить съ вами вмѣстѣ трагедію. » — Охотно, отвѣчалъ Арно, — тогда, когда мы сочинимъ вмѣстѣ планъ сраженія! —

Не смотря на эту короткость въ обращеніи, которой-бы многіе позавидовали, — не смотря на довѣрчивость счастливой звѣздѣ завоевателя, Арно не окончилъ путешествія. Долгъ дружбы задержалъ его въ Мальтѣ при началѣ завоеванія. Но онъ былъ изъ первыхъ между тѣми, которые призывали героя изъ Египта и приготавляли къ тому общее мнѣніе.

18 - е Брюмера Арно находился при Бонапартѣ однимъ изъ ревностныхъ участниковъ военного переворота, который основалъ Имперію, и находился при немъ безъ всякихъ личныхъ расчетовъ. Литтераторъ въ полномъ смыслѣ слова, нѣсколько беспечный и гордый, Арно не заботился болѣе ни о своей будущности, ни о благосклонности своего по-

кровителя. Сперва остался онъ въ Мальтѣ, а послѣ въ дали отъ политики и Императорскаго Двора принялъ на себя скромную и важную должность, гдѣ его вліяніе было всегда правосудно и благодѣтельно.

Свободные часы его были всѣ посвящаемы литературѣ. Трагическій авторъ школы *Дюсиса* въ произведеніяхъ своихъ, онъ прибавилъ къ древнимъ формамъ новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, онъ не воспѣвалъ его царствованія. Великіе Властители, потрясающіе сильно воображеніе народовъ, пробуждаютъ его у поэтовъ уже долго послѣ своей кончины. Одаренный умомъ колкимъ и насмѣшливымъ, способнымъ болѣе къ коварнымъ намекамъ басни, нежели къ панегирику, Арно выхвалилъ Наполеона лишь послѣ его паденія и то важнымъ языкомъ исторіи. Его пристрастіе было благоговѣніе къ гению и къ несчастію; оно вдохнуло ему много краснорѣчивыхъ страницъ: онъ заплатилъ изгнаніемъ за право написать ихъ. Писатель мирный, врагъ всѣхъ общественныхъ переворотовъ, онъ былъ увлеченъ бурей, сокрушившей династію.

По этому случаю, въ продолженіе нѣкотораго времени, онъ могъ не принадлежать болѣе этой Академіи, гдѣ онъ имѣлъ столько правъ на свое мѣсто и, куда все его призывало. Онъ даже возвратился къ намъ при томъ правленіи, которое такъ несправедливо изгнало его. Во второй разъ услышалъ онъ здѣсь похвалы трудамъ, прославившимъ жизнь его,

и галанту, которому никакая революція не могла дать отставки. Ему прочли тѣ стихи, которымъ означенъ быль первый день его изгнанія; и онъ нашелъ въ рукоплесканіяхъ и въ живомъ со участіемъ публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этотъ характеръ вмѣстѣ съ его славою далъ ему право на мѣсто, требовавшее довѣренности, которое опустѣло между нами послѣ умнаго и почтенаго *Андрії*, мѣсто, которое требуетъ безкорыстной любви къ словесности, призываєтъ иногда къ защите ея достоинства и должно быть нераздѣльно соединено съ тѣми благородными чувствами, которыми она внушаетъ душѣ человѣка.

Какъ должны мы сожалѣть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь въ полной ея силѣ и похитила Арно посреди недоконченныхъ трудовъ его! Записки, писанныя имъ съ такимъ остроуміемъ и беспечностію, составляютъ любопытный памятникъ его старости, и могутъ выдержать эту неблагодарную и грубую критику, которая всегда ожидается послѣднихъ произведеній художника и поэта. Арно, какъ умный и нечестолюбивый зритель, замѣщанный въ движенія вѣка, не умѣлъ имъ пользоваться, но видѣлъ много вещей и всегда умѣлъ оцѣнить ихъ съ тою сильною прямотою совѣсти, отъ которой яснѣетъ самый расчетъ разума. Ни собственная выгода, ни политическія связи не имѣли вліянія на вѣрность его воспоминаній, на его нравственный

инстинктъ. Нѣкоторыя несчастія прежней Королевской династіи, можетъ быть, нигдѣ не были описаны съ такимъ живымъ участіемъ, какъ въ книгѣ Арно, изгнанного изъ Франціи въ 1815 году.

Это происходило отъ того, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хотя носятъ иногда печать современныхъ страстей, но дышатъ всегда откровенностью, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оцѣнили талантъ вашего предшественника; но ваше поприще, М. Г., счастливое и легкое, не можетъ сравниться съ его поприщемъ. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успѣхи, дорого купленные и добываемые съ боя. Вы все это знаете по слухамъ: для васъ Литтература съ молодости была рядъ наслажденій, славою, богатствомъ. Это весьма рѣдкая участъ, примѣръ опасный, быть можетъ; но его оправдываютъ вашъ талантъ и характеръ.

Не бойтесь, М. Г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участіи; но позвольте мнѣ найти причину ея въ вопросѣ болѣе общемъ, который вы сей часъ предложили себѣ и разрѣшили умно и удачно, но можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Тайна вашихъ постоянныхъ успѣховъ заключается, я думаю, въ томъ, что вы счастливо разгадали духъ нашего вѣка; вы создали родъ комедіи, съ которою онъ хорошо сроднился,

которая походит на него, комедію живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить намъ не достаетъ времени, а рядъ портретовъ выразительныхъ, которые блеснутъ, исчезнутъ, но не забываются. И такъ, не раздѣляя мнѣнія, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вамъ, что театръ по существу своему долженъ быть въ противорѣчіи съ нравами, противоположнымъ полюсомъ общества, что онъ не долженъ походить на публику, чтобы нравиться публикѣ, я, признаюсь вамъ, придерживаюсь втораго мнѣнія и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедіями.

Безъ сомнѣнія, одна комедія не составляетъ полной исторіи народа; но она объясняетъ, пополняетъ эту исторію. Она ничего не говоритъ о политическихъ происшествіяхъ, по крайней мѣрѣ со временемъ Аристофана, (или, если хотите, со временемъ Бертранна и Ратона), но она свидѣтельница духа и нравовъ народа, у котораго родились эти происшествія. Не называя никого по имени, она пишетъ лѣтопись каждого. Узнали ли бѣ вы совершенно вѣкъ Лудовика XIV безъ Мольера? Знали ли бы вы, что быть тогда дворъ, городъ и особенно Тартюфъ? Нѣтъ ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы Донъ Жуана, которая бы не показала вамъ какой нибудь любопытной стороны народнаго духа въ XVII столѣтіи, не дала бы вамъ понятія о движениіи въ нравахъ и не открыла бѣ

вамъ броженія мнѣній при мнимой тишинѣ этой величественной эпохи?

Въ послѣдствіи, М. Г., эта мелочная, жеман-
ная драма Дората, Лану, и даже Мариво, кото-
рого вы уже слишкомъ смѣшиваете съ ними,
увѣрены ли вы, что она въ сильной противо-
положности съ своимъ временемъ? XVIII-е столѣтіе,
столь полное настоящимъ и будущимъ, выражаясь
вашими словами, XVIII-е столѣтіе не походило ли
въ праздности высшихъ классовъ, въ злоупотреблені-
яхъ ума, въ утонченномъ развратѣ нравовъ на-
натянутую драму, которой оно рукоплескало? И
даже не найдемъ ли мы и въ другихъ комедіяхъ
того времени, еще болѣе слабыхъ, вѣрнаго изображенія
нравовъ, и можетъ быть достойнаго наблюдѣ-
ній Историковъ? Что же касается до хорошихъ ко-
мѣдій той же эпохи, то они говорятъ много, и да-
же слишкомъ много; напримѣръ, Свадьба Фигаро,
есть безцѣнное свѣдѣніе для исторіи.

Я боюсь, М. Г., слѣдуя за вами далѣе, бро-
ситься ради комедіи въ лѣтописи нашей рево-
люціи: но и въ ту эпоху, этотъ сантимен-
тальный наборъ словъ, это идолопоклонство *ста-
рости, добродѣтели, дѣлѣству,* выводимое на те-
атръ во время политическихъ ужасовъ, не было ли
также чертою нравовъ? Тотъ же самый наглый об-
манъ не повторялся ли въ рѣчахъ трибуны и въ
программахъ народныхъ праздниковъ, гдѣ священные
слова человѣчества смѣшивались съ гнусными пре-

ступленіями; — это были проповѣди и гимны новой *Лиги*.

Мнѣ кажется, М. Г., что театръ, хорошъ ли онъ или дуренъ, естественъ ли онъ, или натянутъ, всегда, какъ прежде говорили и доказывали, театръ есть драгоцѣнныій свидѣтель для исторіи нравовъ и мнѣній.

Въ нравахъ народа заключены его предразсудки, его воспоминанія, его сожалѣнія; для этого онъ иногда ходить въ театръ искать того, что не выражаетъ настоящаго его положенія, но говорить ему о томъ, чего онъ желаетъ, или что имъ потеряно. И потому я скажу, М. Г., пользуясь вашимъ же примѣромъ: если въ мирныя времена *возстановленія* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были въ такой милости у публики, то не отъ того, что эта картина противорѣчила духу времени; но напротивъ потому что льстила ему, лаская обиженное народное самолюбіе; проницательный политикъ могъ бы открыть въ этихъ представленияхъ, принимаемыхъ толпою съ восторгомъ, страсть не потушеннную въ теченіи 15 лѣтъ, и вдругъ вспыхнувшую.

Да, М. Г.! въ вашихъ же произведеніяхъ можно найти эту современную точность, которую вы, отнявъ у комедіи, присвоили одной Пѣснѣ, и сдѣлать васъ Историкомъ противъ вашей воли. Впрочемъ въ этомъ дѣлѣ вы приняли всѣ возможныя пре-

досторожности: вы соединили Пѣсню съ Комедіей, и что ни говори о вашей літтературной теоріи,— со всѣхъ сторонъ васъ ожидаютъ рукоплесканія.

Я признаюсь, что эта теорія дѣлается весьма правдоподобною въ послѣднихъ примѣрахъ вами приведенныхъ. Въ нашихъ глазахъ, почти въ то самое мгновеніе, когда я говорю, исчезло было это соотношеніе, это сходство театра съ публикою, или лучше сказать, казалось, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ быть развратителемъ другаго. Но въ этомъ отзывѣ общественному перевороту, въ этомъ безплодномъ броженіи возмутительныхъ головъ, нѣть ли чего такого, чѣмъ бы можно было изъяснить эту потребность сильныхъ потрясеній, столь противоположную нашимъ семейственнымъ нравамъ, эту потребность, рѣдко удовлетворенную на театрѣ и которая бы уничтожилась сама собою, скучкою публики, даже безъ пособія цензуры? Вы сами; Милостивый Государь, можете судить лучше другихъ объ этомъ, вы не заражены эпидеміею преувеличенія, этой страстью къ ложному, вы умеете на свободѣ соединять остроуміе съ здравымъ смысломъ, и не нуждаетесь въ неблагопристойныхъ сценахъ для драматического эффекта.

Долгіе успѣхи научили васъ этому трудному искусству, отъ котораго вы рѣдко отступали, не смотря на огромное количество пьесъ, писанныхъ наскоро. Аристократъ Буало говорилъ:

Il faut, m me en chanson, du bon sens et de l'art.

Этотъ совѣтъ, хотя, кажется, можетъ быть не-
нужнымъ и лишнимъ въ наше время, но тѣмъ не
менѣе можетъ быть примѣненъ съ точностю ко
всѣмъ родамъ пѣсни на нашихъ театрахъ. Ни лег-
кость предмета, ни свобода формы, ни шалость
ума, никогда не могутъ избавить автора отъ этихъ
двухъ старинныхъ условій, требуемыхъ Буало: здра-
ваго смысла и изящества; и если бы даже они пе-
рестали быть принадлежностю большихъ произве-
деній, то все бы надобно было требовать ихъ со-
блюденія отъ водевиля и комической оперы.

Такъ въ прошедшемъ столѣтіи человѣкъ съ не-
обработаннымъ талантомъ, Седень, съ помощію
здраваго смысла и искусства нашелъ новое мѣсто
на нашихъ театрахъ и оставилъ незабытыя про-
изведенія. Вамъ, М. Г., приготовленному съ ран-
нихъ дней изученіемъ литературы, вамъ пред-
стояло менѣе усилій и затрудненій. Къ той ори-
гинальности, безъ которой ни одинъ писатель не
можетъ занять сильно публики, вы присоединили
изученіе хорошихъ образцевъ; ваши первыя про-
изведенія, по видимому импровизированныя посреди
юной, беспечной веселости, всегда носили на себѣ
отпечатокъ искусства и были написаны съ такою же
быстрою, какъ и со тщаніемъ.

Вы ограничивали вашъ талантъ тѣсною и легкою
рамкою. Оригинальные характеры, свѣжія, дѣв-
ственныя представлѣнія нравовъ — уже были по-
хищены вами прежними мастерами. Бросая на-

блудательный взглѣдъ на наше общество, вы не нашли въ немъ уже тѣхъ рѣзкихъ образовъ, той борьбы между состояніями, того особеннаго характера разныхъ классовъ, столь удобныхъ для высшей комедіи; и не смотря на счастливые пріемы, вы не рѣшились испытать свою силу въ этой изящной сферѣ искусства. Вместо того, чтобы сосредоточить вашу комическую силу на какомъ нибудь предметѣ, требующемъ долгаго размышленія, вы раздробили ее на тысячу мелкихъ блестательныхъ очерковъ, возобновили ту изобрѣтательную плодовитость Испанскихъ поэтовъ, которыхъ произведенія и успѣхи считались сотнями. Посреди общества, подведенаго подъ одинъ и тотъ же уровень, но общества дѣятельнаго, беспокойнаго, вы переносили на сцену его мнѣнія, моды, причуды по мѣрѣ того, какъ они появлялись предъ вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вмѣсто главной черты, мелочные отгѣнки и умѣли заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чѣмъ вы молчали. Многія мелкія пьесы Мольера цѣнятся знатоками наравнѣ съ его большими произведеніями. Вы умѣли быть оригинальнымъ, подражая этимъ небольшимъ пьескамъ; и часто воспоминаніе или противоположная сторона какой-либо мысли великаго поэта подавали вамъ средство написать цѣлую новую пьесу.

Но особенно въ наше время, подъ Парижскимъ горизонтомъ, въ его шумной жизни, въ его дѣлахъ и удовольствіяхъ на биржѣ, въ літтературѣ, во-кругъ себя, въ происшествіяхъ вчерашияго вечера, вы умѣли схватить предметы и освятить ихъ вдохновеніемъ. Вашъ театръ приблизился къ тѣмъ *Пословицамъ* гостиныхъ, где общество обрисовываетъ само себя, и говорить своимъ ежедневнымъ языкомъ. Но, пока вы писали подъ диктовку публики, возвращая ей, что она вамъ давала, сколько удачныхъ и остроумныхъ картинъ, сколько быстрыхъ и живыхъ разговоровъ обличали ваше участіе въ этой общей работѣ.

Вотъ причина, М. Г., почему ваши пьесы забавляютъ всю Францію, переходятъ за границу и тамъ переведенные, передѣманные, сокращенные, увеличенные, по вкусу разныхъ народовъ, поддерживаются всѣ театры отъ Юга до Сѣвера. Вездѣ хотели, вездѣ съ жадностю хватались за ваши произведения. Это служить доказательствомъ, что не костюмъ и минутные намеки составляютъ главное въ этихъ совершенно Парижскихъ пьесахъ, — но что въ нихъ много истины и много веселости обще-человѣческой.

Мнѣ помнится, одинъ знаменитый Нѣмецкій критикъ, слишкомъ строгій къ нашимъ классическимъ поэтамъ, можетъ быть, умомъ и знаніемъ завлеченный въ невольный парадоксъ, предпочиталъ въполнѣ смыслъ *Просителя*—*Мизантропу*. Я увѣренъ,

что вы сами несогласны съ этимъ мнѣніемъ; но заблужденіе, въ которое вы ввели такого критика своею остроумною комедіею, служить новымъ доказательствомъ въ вашу пользу; такое заблужденіе было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни въ этихъ легкихъ сценахъ, которыя не только играютъ, но на которыя пишутъ комментаріи за границей. Не повторяя словъ критика, я не могу однако же не обратить вниманія на особенное искусство, съ которымъ ведены ваши важнѣйшія пьесы, на быстрое и свободное движение вашей драмы, на вѣрность производимыхъ ею впечатлѣній (хотя разговоръ и бываетъ иногда слишкомъ укращенъ или слишкомъ мелоченъ), на вашу тайну обрисовывать предметъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, на вашъ разговорный слогъ, то грациозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое разстояніе отъ *Дипломата* до *Валеріи*, отъ *l'Interieur d'un Bureau* до *Michel et Christine!* Какое разнообразіе, иногда какое остроумное нравоученіе, въ многочисленныхъ пьесахъ, на предметъ профанированный стариннымъ театромъ: на бракъ! Одна изъ нихъ, *Женидьба по расчету* (*le Mariage d'argent*), есть настоящая комедія въ пяти актахъ, безъ куплетовъ, безъ *сотрудниковъ*, поддерживающая драматическою цѣлостью, единствомъ характеровъ, истину разговора, силою оставляемаго ею въ душѣ впечатлѣнія. Проза не вредить этому

творенію , также какъ и прекрасныи комедіямъ Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать , М. Г. , зачѣмъ вы не пытались чаше возобновлять эту высшую комедію , которая такъ удалася вамъ ; у васъ не было недостатка ни въ талантѣ , ни въ источникахъ смѣшина-го . Даже это поприще разширилось при дѣйствії нашихъ общественныхъ переворотовъ , и вамъ было возможно испытать свои силы надъ политическою комедіею , этою крайнею вольностію театрального искусства . Между большимъ числомъ нашихъ успѣховъ замѣчательны Bertrand et Raton , сколько по новости предмета , столько и по истинѣ подробностей . Эта пьеса сама собою имѣла достоинство случайное , оцѣненное публикою , для которой потребность порядка было чувствомъ народнымъ . Она осмысливала мятежъ и живо изображала , какое искусственное волненіе и какія мелочныя причины могутъ иногда возмущать спокойствіе Государства .

Впрочемъ , М. Г. , это поприще политической комедіи , на которомъ вы сдѣлали нѣсколько шаговъ , скоро закрылось , и вы обѣ этомъ не сожалѣете . Вашему таланту остроумному и разнообразному не нужно отыскивать смѣшиное въ раздорахъ партій ; вы и безъ этого средства умѣете возбудить вниманіе и покупать побѣду . Вы еще молоды : публика ожидаетъ отъ васъ многаго . Обратится ли вашъ талантъ къ успѣхамъ болѣе рѣдкимъ , или возобно-

вить прежніе, Академія во всякомъ случаѣ не будетъ сожалѣть о своемъ выборѣ. Ибо честь и жизнь Литтературного общества тогда только возможны, когда оно привлекаетъ къ себѣ всѣ роды знаменитостей, узаконенныхъ публикою. Это различные формы, въ которыхъ является состояніе искусства въ какой либо націи. Не всѣ приходятъ вдругъ и не всякой принимаетъ въ этомъ дѣлѣ одинакое съ другими участіе; строгому вкусу, глубокой учености должно быть мѣсто возлѣ смѣлаго таланта; возлѣ людей, посвятившихъ себя Словесности для самой Словесности, должны быть люди, для которыхъ оно лишь средство дѣйствія на трибунѣ, въ судѣ и въ театрѣ. Всѣ эти различные роды соприкасаются одинъ къ другому и соединяются: сіе - то самое смѣшеніе и составляетъ характеръ Академіи. Каждая наша потеря, какъ и всякий нашъ выборъ, болѣе и болѣе утверждаютъ насъ въ этой мысли. Нѣкогда изъ среды насъ было похищено ораторъ, которого важное, возвышенное слово, громко прозвучавъ въ національныхъ собраніяхъ, тихо раздавалось въ нашихъ мирныхъ бесѣдахъ, мужъ доблестный и краснорѣчивый, сохранившій всеобщее уваженіе и въ отдаленіи отъ дѣлъ, и даже при кормилѣ правленія. Кто возвратить намъ Лене *?

* Французская Академія на мѣсто умершаго Лене выбрала г. Дюпата, мимо представлявшихъ кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академія имѣла на то, вѣроятно сіи известныя, причины. Мы же не знаемъ, что такое г. Дюпати.

*

По крайней мѣрѣ да огласятся эти стѣны нашимъ сѣтованіемъ и да простятъ намъ, что мы поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы гласно принести дань нашего благоговѣнія на его смиренную и еще свѣжую могилу.